

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-311.6

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-68-75

ЖЕНСКОЕ ЛИЦО НОВГОРОДСКОЙ ПОЛИТИКИ XV ВЕКА В ЛИТЕРАТУРНОМ И ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ Н.М. КАРАМЗИНА И Б. АКУНИНА*

Архангельская А.В.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119992, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются приёмы создания женских образов в исторических и литературных сочинениях Н.М. Карамзина, связанных с темой вольного Новгорода, и Б. Акунина в связи с трактовкой темы утраты новгородской вольности в XV в., и делаются выводы о специфике исторического и литературного подхода к этой теме в творчестве писателей. Проведены параллели между сентименталистскими и постмодернистскими принципами изображения истории, спецификой трансформации литературной традиции в современной российской прозе.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, Б. Акунин, история, историческая литература, древний Новгород, Марфа Борецкая.

THE WOMAN OF NOVGOROD POLITICS OF THE 15TH CENTURY IN LITERARY AND HISTORICAL DISCOURSE OF N. KARAMZIN AND B. AKUNIN

A. Arkhangelskaya

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

Abstract. The article deals with the methods of creating female images in historical and literary works of N. Karamzin, connected with the theme of free Novgorod, and B. Akunin in interpretation of the theme of Novgorod's loss of liberty in the 15th century, and conclusions are drawn about the specifics of the historical and literary approach to this topic in the writings of writers.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-04-00494 «Н.М. Карамзин: энциклопедический словарь».

© Архангельская А.В., 2017.

Parallels are drawn between the sentimentalist and postmodern principles of depicting history, the specific character of the transformation of the literary tradition in contemporary Russian prose.

Key words: N. Karamzin, B. Akunin, history, historical literature, old Novgorod, Martha Boretskaia.

Тема новгородской вольности занимает существенное место в русской литературе Нового времени. Екатерина II русская драматургия XVIII столетия обязана постановкой темы Вадима Новгородского, в дальнейшем реализовавшейся в демонстрации конфликта самодержавного и республиканского идеалов власти у Я.Б. Княжнина. Созданный Н.М. Карамзиным в повести «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода» яркий женский образ Марфы Борецкой, защитницы новгородской вольности, приводит к появлению серии драматических версий этой яркой судьбы (достаточно вспомнить последовавшие практически сразу трагедии П.И. Сумарокова и Ф.Ф. Иванова с одноимённым карамзинской повести заглавием). Мы рассмотрим вариации женской темы новгородской вольности в сочинениях, отстоящих друг от друга на двести лет, но выполненных в рамках, как представляется, сходной авторской задачи. И Н.М. Карамзин, и Б. Акунин делают эту тему предметом и исторических, и литературных штудий, с одной стороны, обращаясь к ней в рамках масштабных исторических проектов, имеющих целью дать панорамную картину российской истории, с другой – подходя к ней как писатели. При этом следует отметить, что в научной литературе неоднократно обращалось внимание на то, что трактовка новгородской темы и образа главной героини Н.М. Карамзиным достаточно существенно отли-

чается в повести и «Истории» в связи с тем, что «“Историю государства Российского” писал историк, не имевший других побуждений, кроме как представить истину по Тациту – “без гнева и пристрастия”. Но, создавая повесть, которую хоть и назвал “исторической” и отметил своё знакомство с летописями, он выявлял себя как писатель и не считал нужным скрывать испытываемые им эмоции» [7, с. 20-21]. К тому же давала о себе знать и определённая временная дистанция, разделявшая эти два произведения не просто полутора десятилетиями – во многом эпохами. Акунинский (пока ещё не завершённый, но уже имеющийся четырьмя томами доведённый до конца XVII века, т. е. уже дальше того времени, до которого Карамзин доходит к 12-му тому, к 23-му году работы и к концу своей жизни) труд «История российского государства» и сопровождающий его литературный конвой – историческая сага «Огненный перст», в которую входит опубликованный в начале 2016 года роман «Вдовий плат», посвящённый последним годам новгородской вольности, – и пишутся, и публикуются параллельно, поэтому гораздо в большей степени являются попытками отразить событие, подход к трактовке которого автором не меняется, в разных дискурсивных средах, выявив таким образом ключевые моменты этого исторического периода. Оба автора, несомненно, выступают проводниками определённой истори-

ческой концепции, ориентируясь на разные способы как исследования рассматриваемого материала, так и донесения результатов исследования и концептуальных категорий до достаточно широких читательских кругов.

Повесть «Марфа-посадница, или покорение Новгорода» Н.М. Карамзин недаром начинает со вступления, в котором говорит об описываемых событиях именно в исторической перспективе: «Мудрый Иоанн должен был для славы и силы отечества присоединить область Новгородскую к своей державе: хвала ему! Однако ж сопротивление новгородцев не есть бунт каких-нибудь яковинцев: они сражались за древние свои уставы и права... Они поступили только безрассудно: им должно было предвидеть, что сопротивление обратится в гибель Новгороду, и благоразумие требовало от них добровольной жертвы» [5, с. 543-544]. Здесь доминируют критерии долженствования: Иоанн должен был присоединить – и присоединил, за что ему хвала, новгородцы должны были предвидеть, а оказались не благоразумны, но опрометчивы, и в этом не столько вина их, сколько трагедия. В этом же вступлении «издатель сей повести» даёт общую характеристику главной героине: «И летописи и старинные песни отдают справедливость великому уму Марфы Борецкой, сей чудной женщины, которая умела овладеть народом и хотела (весьма некстати!) быть Катонем своей республики» [5, с. 544]. Любопытно, что в этом коротком фрагменте мы дважды наблюдаем эмоциональные оценочные замечания, как бы «встречающие» в и без того усиленный эмоциональными эпитетами («мудрый Иоанн», «посту-

пили только *безрассудно*», «сей *чудной* женщины») текст, углубляя акценты: восклицание «хвала ему» оказывается адресованным «мудрому Иоанну», а «весьма некстати» усугубляет трагическую характеристику заглавной героини повести. Важно также отметить, что помещённая далее повесть приписывается «одному из знатных новгородцев», т. е. позиционируется как отражающая новгородскую точку зрения, однако отмечается, что «автор... даже и в душе своей не винил Иоанна», и это «делает честь его справедливости» [5, с. 544]. Более того, дальше следует ещё одна оценка характера Марфы, на этот раз как бы прочитанная издателем (человеком начала XIX века), точка зрения на героиню автора – современника и согражданина: «он видел в ней только *страстную* (курсив Карамзина. – А.А.), пылкую, умную, а не великую и не добродетельную женщину» [5, с. 544]. Таким образом, Марфа оказывается «чудной», «страстной», «пылкой», «умной», но «не великой» и «не добродетельной», и все эти качества ещё и противопоставляются Иоанновой мудрости – единственному и одновременно главному и определяющему расстановку сил качеству её противника и победителя. Т.А. Алпатова резонно заметила, что характеристика автора повести в результате оказывается парадоксальной: он «справедливый» и в то же самое время *пристрастный*» [3, с. 542], хочется только подчеркнуть, что углубляет этот парадокс тот факт, что точкой приложения «справедливости» автора-новгородца оказывается московский государь Иоанн, а *пристрастность* оказывается направленной на Марфу, отстаивающую *вольность* древнего Новгорода.

В VI томе «Истории государства Российского» Марфе Борецкой даётся иная характеристика: «жена гордая, честолюбивая... предприняла решить судьбу отечества. Хитрость, велеречие, знатность, богатство и роскошь доставили ей способ действовать на правительство. Народные чиновники сходились в её великолепном или, по тогдашнему, *чудном* (курсив Карамзина. – А.А.) доме пировать и советовать о делах важнейших» [4, с. 242]. Обращает на себя внимание, что в повести чудной была названа сама Марфа, а теперь этим же словом определяется её дом, говорится не об уме, но о хитрости, страстность и пылкость сменяются гордостью и честолюбием, а также подчёркивается, что возможности её были усилены богатством и знатностью рода. Мотивы Марфы Карамзин-историк ограничивает властолюбием и матримониальными исканиями. В дальнейшем деятельность сторонников Марфы оценивается почти исключительно негативно: «сыновья, ласкатели, единомышленники, окружённые многочисленным сонмом людей подкупленных» [4, с. 243] или «Борецкие превозмогли, овладели правлением и погубили отечество, как жертву их страстей личных» [4, с. 244]. Если в повести Карамзин, по справедливому утверждению Т.А. Алпатовой, «ставит... целью именно не превознести ту или иную политическую позицию, но представить их в целомном единстве» [3, с. 549], то в «Истории» отчётливо демонстрируется не борьба за древние вольности, но выбор между московской и литовской сторонами с явной и отчётливо негативной характеристикой последней. Это представление распространяется и на

характеристику новгородцев – сторонников партии Борецких: в повести они безрассудны и неблагоразумны, в «Истории» же – легкомысленны, ибо желают «мира с Москвою, думая, что Иоанн устрашится Литвы, не захочет кровопролития и малодушно отступится от древнейшего княжества российского» [4, с. 246]. Закономерным следствием оказывается перемена народного настроения («Народ рассуждал, что времена переменились; что небо покровительствует Иоанна и даёт ему смелость вместе со счастьем; что сей государь правосуден: карает и милует; что лучше спастися смирением, нежели погибнуть от упрямства» [4, с. 252]), измена сторонников («Знатные сановники видели меч над своею головою: в таком случае редкие жертвуют личную безопасность правилу или образу мыслей» [4, с. 252]) и презрение победителя Иоанна («Дав слово забыть прошедшее, великий князь оставил в покое и саму Марфу Борецкую и не хотел упомянуть об ней в договоре, как бы из презрения к слабой жене» [4, с. 254]). Обращает на себя внимание и тот факт, что, за исключением первоначальной характеристики, Марфа в основном тексте эпизода не удостоивается пристального внимания со стороны Карамзина-историка и лишь упоминается как один из членов семьи или партии.

Политическая концепция Б. Акунина, отразившаяся и в исторической, и в литературной трактовке темы падения древнего Новгорода, заключается в характеристике этого события как момента, когда «древняя вечевая республика потерпела поражение в борьбе с молодым государством диктаторского типа» [2, с. 48]. В перечне причин этого

события, наряду с экономической составляющей, обращается внимание и на то, что «государство, в котором не было единства и всякое решение принималось лишь после долгих споров и проволочек, не могло противостоять агрессии со стороны державы, управлявшейся по принципу военного лагеря» [2, с. 48]. Наконец, разделяя симпатию Карамзина к демократическим формам правления (цитата про доброжелательство «Республикам, основанным на коренных правах вольности» вводится при помощи показательного оборота: «как выразился тот же замечательный Карамзин» [2, с. 49]), Акунин пишет: «приходится признать, что в XV столетии наиболее эффективной государственной системой для Руси была самодержавная монархия постордынского типа» [2, с. 49]. Новгородская ситуация так же, как и в «Истории» Карамзина, характеризуется как выбор между Москвой и Литвой, но при этом позиционируется как точка, определившая будущий вектор развития всей страны: «От того, к какой Руси – восточной или западной – присоединится богатый новгородский край, зависело, вокруг какого центра будет собираться новое русское государство: Москвы или Вильно» [2, с. 51]. Таким образом, если у Карамзина новгородский эпизод рассматривается с позиций осознания необходимости расширения Москвы, то у Акунина трактуется как судьбоносный выбор, от которого на тот момент зависит последующий вектор развития государства и который роковым образом оказался сделанным в пользу Азии, а не Европы.

Рассказывая о военном этапе борьбы за Новгород, Акунин повторяет карамзинский тезис о легкомысленности

новгородцев, но привязывает эту характеристику к эпизоду ссоры жителей города с литовским военачальником Михаилом Олельковичем, после которой тот покинул Новгород вместе со своей дружиной, так что горожане лишились и военачальника, и профессиональных воинов [2, с. 52]. Наконец, даже сравнительная характеристика Иоанна и Казимира строится вокруг всё того же противопоставления «европейскости» «азиатчине»: «В данном случае проявилось одно из бесспорных преимуществ “ордынской” государственности: литовскому великому князю для похода требовалось заручиться поддержкой аристократии и просить денег на расходы; московскому великому князю было достаточно приказать» [2, с. 53].

В собственно историческом сочинении Акунина женская тема занимает не очень существенное место в этом эпизоде. Марфу Борецкую писатель называет, «пожалуй, самой яркой женщиной русского средневековья» [2, с. 50], именно её влиянию и сильным лидерским качествам однозначно приписывает временное поражение промосковской партии в Новгороде в 1460-е годы, отмечает существенные пробелы в реконструкции её биографии и сосредотачивается исключительно на фактах (происхождение, семья, мужа, дети, попытка провести своего кандидата в архиепископы в 1470 году и ведение переговоров «с Казимиром IV о присоединении Новгорода к Великому княжеству Литовскому с сохранением автономии, прав и привилегий республики», в результате которых «был подписан союзный договор, гарантировавший Новгороду военную помощь» [2, с. 50]). Отмеча-

ется, что «двумя другими активными фигурами антимосковской оппозиции тоже были женщины, боярские вдовы Анастасия и Евфимия» [2, с. 50]¹.

Именно этот «женский триумvirат» оказывается в центре внимания в романе «Вдовий плат», представляющем собой литературную версию этих же событий. Характеристику этим трём женщинам даёт в первой главе романа московский наместник Семён Борисов в разговоре с великим князем Иваном III: «Там (в Новгороде. – А.А.) сейчас говорят: Земля на трёх великих китах стоит, а Новгород – на трёх великих жёнках. Одна – Марфа Борецкая, другая – Настасья Григориева, третья – Евфимия Горшенина. Это они между собой решают, кому выбираться в степенные, что решать вчужу, куда Новгороду поворачивать – к Москве или к Литве. У каждой жёнки своё прозвище. Марфу зовут Железной, потому что она как топором рубит. Настасью – Каменной, она крепче стены стоит. Евфимию – Шелкувой. Эта обхождением ласкова, стелет мягко, но удавку на шею накинет – дух вон» [1, с. 16-17]. Таким образом, озвученная в «Истории» идея о том, что причиной падения Новгорода являлось в том числе отсутствие внутреннего единства, усиленное стратегической

операцией Ивана III («Сначала он в открытый конфликт не вступал, подрывал республику изнутри, раскалывая новгородское общество» [2, с. 49]) в романе изображается через женский (т.е. максимально непримиримый) конфликт, усиленный вмешательством московского великого князя, ведущего интригу на раскол новгородского общества именно через женщин, умеющего этим конфликтом воспользоваться и поставить себе на службу: «Она поможет вычистить Новгород от лютых моих врагов, добела. А как покончим с врагами, возьмусь и за тамошних друзей. Самодержцу друзья не нужны, нужны слуги. У новгородцев кровь, вольностью отравленная. Это не вылечить. Надо их породу под корень» [1, с. 236].

В отличие от Карамзина, сосредоточившего своё внимание на Марфе Борецкой – главной героине летописных рассказов о последних годах новгородской вольности, Акунин делает главной героиней своего романа Настасью Григориеву. Это, очевидно, предоставляет ему большую свободу (хотя, как видно из первой повести исторического цикла, писатель-постмодернист достаточно свободно обращается и с киевским князем Кьем, и с варягом Рориком и его свойственником Хельги, а из последней на сегодняшний момент – что его не смущает и фигура Ивана IV Грозного, но всё же по большей части Акунин предпочитает делать главными героями своего повествования второстепенных либо вымышленных персонажей русской истории).

Таким образом, можно заметить, что исторический (научный / публицистический) и литературный дискурс позволяют писателям продемонстри-

¹ Здесь имеются в виду боярыня Анастасия, вдова Ивана Григорьева, и Евфимия, жена посадника Андрея Горшково. Анастасия Григорьева («богатая Настасья») упоминается как участница «заговора больших и житых людей», её «велено было схватить наряду с другими делателями смуты» [6, с. 52.]; в 1475 г. Иван III, приехав в Новгород, посетил её дом (не удостоив этой чести дом Марфы Борецкой). Про Евфимию Горшкову сведения чрезвычайно скудны, источники ограничиваются лишь её упоминанием в контексте новгородского женского триумvirата начала второй половины XV в.

ровать разные стороны события, высветить аспекты, на которые важно обратить преимущественное внимание читателя, задать определённую схему восприятия обстоятельств, контекста, действующих лиц и т. д. При этом для Карамзина всё-таки характерно движение от литературы к истории, в связи с чем его литературные опыты на исторические темы достаточно часто трактуются как своеобразные «пробы пера», подступы к главному делу всей его жизни – «Истории государства Российского». Для Акунина

взаимодействие разных дискурсивных пластов – главная идея его постмодернистского проекта по популяризации отечественной истории в широких читательских кругах и одновременно способ привлечь внимание к полифонии Истории. Н.Я. Эйдельман отмечал в своё время, что после Карамзина – в середине XIX века – история и литература принципиально (и, казалось, окончательно) разошлись, но в начале века XXI-го, на новом уровне осмысления исторического прошлого, они снова встретились.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Акунин Б. Вдовий плат. М., 2016. 304 с.
2. Акунин Б. Между Азией и Европой: История российского государства: От Ивана III до Бориса Годунова. М., 2016. 384 с.
3. Алпатова Т.А. Проза Н.М. Карамзина: поэтика повествования. М., 2012. 560 с.
4. Карамзин Н.М. История государства Российского. В 6-ти кн. Т. V-VI. М., 1993. 432 с.
5. Карамзин Н.М. Сочинения. В 2-х тт. Т. 1. Л., 1984. 672 с.
6. Пушкирева Н.Л. Женщины Древней Руси. М., 1989. 286 с.
7. Фризман Л.Г. Марфа-посадница в русской литературе // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2014. Т. 73, № 2. С. 20–33.
8. Эйдельман Н.Я. Последний летописец. М., 1983. 176 с.

REFERENCES:

1. Akunin B. *Vdovii plat* [Widow's blanket]. Moscow, 2016. 304 p.
2. Akunin B. *Mezhdu Aziei i Evropoi: Istoriya rossiiskogo gosudarstva: Ot Ivana III do Borisa Godunova* [Between Asia and Europe: History of Russia: From Ivan III to Boris Godunov]. Moscow, 2016. 384 p.
3. Alpatova T.A. *Proza N.M.Karamzina: poetika povestvovaniya* [Prose of N. Karamzin: the poetics of narrative]. Moscow, 2012. 560 p.
4. Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo. V 6-ti kn. T. V-VI* [History of the Russian state. In 6 books. Vol. V-VI]. Moscow, 1993. 432 p.
5. Karamzin N.M. *Sochineniya. V 2-kh tt. T. 1* [Works. In 2 vols. V. 1]. Leningrad, 1984. 672 p.
6. Pushkareva N.L. *Zhenshchiny Drevnei Rusi* [Women Of Ancient Russia]. Moscow, 1989. 286 p.
7. Frizman L.G. Martha-Governor in Russian literature. In: *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka. T. 73*. [Russian Academy of Sciences News. Series of literature and language. Vol. 73]. 2014, no. 2, pp. 20–33.
8. Eidel'man N.YA. *Poslednii letopisets* [The last chronicler]. Moscow, 1983. 176 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Архангельская Анна Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова;
e-mail: arhanna@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna V. Arkhangelskaya – PhD in Philological sciences, associate professor at the department of the history of the Russian literature of the philological faculty of Lomonosov Moscow State University;
e-mail: arhanna@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ:

Архангельская А.В. Женское лицо новгородской политики XV века в литературном и историческом дискурсе Н.М. Карамзина и Б.Акунина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 4. С. 68-75.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-68-75

CORRECT REFERENCE TO THE ARTICLE

A. Arkhangelskaya. The woman of Novgorod politics of the 15th century in literary and historical discourse of N. Karamzin and B. Akunin. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2017, no. 4, pp. 68-75.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-68-75